

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

МИХАЙЛОВСКАЯ Н. Г.

ЛЕКСИКА ЯЗЫКОВ НАРОДОВ СССР
В СОВРЕМЕННЫХ ТОЛКОВЫХ СЛОВАРЯХ РУССКОГО ЯЗЫКА

Вопросы взаимовлияния языков народов СССР и русского языка в области лексики в настоящее время активно разрабатываются лингвистами прежде всего в связи с изучением национально-русского двуязычия в различных регионах страны, а также в связи с анализом особенностей функционирования русского языка в иноязычном окружении. Эти исследования базируются на материале, отражающем факты устной речи (обычно в сфере бытового общения) и факты письменных текстов (главным образом в сфере публицистики и в сфере художественной литературы). Основной аспект подобных работ обусловлен общей проблемой **з а и м с т в о в а н и я** как глобальной для языкового взаимодействия на уровне лексики.

Данная проблема сама по себе позволяет интерпретировать материал в двух направлениях: 1) в направлении изучения процесса усвоения одним языком лексических единиц другого языка; 2) в направлении количественных и качественных характеристик усвоенных лексических единиц. Однако надо признать, что такое разграничение не является безусловным и категорическим. Процесс усвоения иноязычной лексики подразумевает неременную адаптацию, которая сопровождается известными фонетическими, грамматическими и семантическими модификациями, оптимальными в отношении заимствующего языка, его норм и возможных допущений. Таким образом, в процессе усвоения заимствуемая лексическая единица проходит ступень, в первую очередь, фонетико-грамматической приспособляемости, нередко порождающей варианты данного заимствуемого слова. Наличие подобных вариантов зависит не только от характера и ступени заимствования как процесса, но и от принадлежности слова к нескольким родственным языкам, в которых это слово оформляется по-разному, имея тождественное значение. Так, З. С. Шеломенцева приводит примеры употребления в текстах современной художественной литературы вариантов *джигит*, *йигит*, *жигит* («молодой парень»); первый вариант относится к узбекскому и киргизскому языкам, второй — к туркменскому, третий — к каракалпакскому [1, с. 73].

Тематическая классификация заимствованной лексики, как правило, соотносящая слово с предметом и явлением действительности, может учитывать подобные варианты как реальные языковые факты безотносительно к их «конкурентной» способности. Следует принимать во внимание и то, что слово, свойственное родственным языкам, в своей разной огласовке становится доступным русскому языку в разные периоды. Так, например, слово *аул* было заимствовано в допушкинский период; но слово *аил* стало широко употребляться в русскоязычной и переводной киргизской литературе главным образом начиная с творчества Чингиза Айтматова.

Как известно, проникновение слов из одного языка в другой является результатом контактов народов в области политики, экономики, культуры. История русского языка, формирование его словарного состава неразрывно связаны с летописью внешних и внутренних отношений русского народа с народами Востока, Запада, Севера и Юга. Но отвлекаясь от конкретного периода истории, абстрагируясь от особенностей экстралинг-

вистического порядка, можно говорить о том, что заимствование как источник пополнения и развития лексики русского языка в целом осуществлялось двумя основными путями: во-первых, посредством устного общения русского населения в условиях иноязычного окружения, обычно между русскими переселенцами и аборигенами того или иного региона; во-вторых, посредством включения национальной лексики в русскоязычное «окружение» письменного текста. Следовательно, те два источника, о которых упоминалось выше, остаются наиболее постоянными при исследовании проблемы и в плане диахронии, и в плане синхронии. Здесь очень существенным моментом является установление «речевой ситуации», в которой реализуются контакты русского языка с языком иного народа (или народов). Анализируя особенности русской речи в Сибири, А. И. Федоров пишет: «Русский язык с самого начала его бытования в Сибири был не литературным, а диалектным. Литературно-письменный язык стал распространяться в Сибири в конце XVII в., в период развития русского национального государства с его органами власти и управления. Он существовал, главным образом, в форме делового стиля» [2].

Разумеется, многообразие и регулярность форм общения русских с той или другой народностью, представляющей местное население, влияла на активность процесса заимствования слов из национальных языков. Так, Н. Г. Самсонов, отмечая влияние якутского языка на русский в до-революционный период, указывает, что языки других малых народностей, населявших Якутию, оказали меньшее воздействие на русский язык, главным образом, в силу социально-экономических причин: «...малые народности кочевали по бескрайним просторам Севера и находились в основном на окраинах Якутии, где русского населения было мало и встречи с русскими оказывались эпизодическими... Особенно мало вошло в русский язык чукотских слов, потому что чукчи были расселены в глубинных частях тундры. Земля чукчей была самой отдаленной окраиной России, почти совершенно оторванной от центральных районов. Чукчи считались состоящими в зависимости от Российского государства, но не подданными. Управлялись они по своим обычаям, никакими повинностей не несли и никакими сборами не облагались. Христианство в чукотской среде не пустило никаких корней... Поэтому заимствования из чукотского языка в русском были единичны» [3].

Письменные источники, как и устное общение, непосредственно или опосредованно связаны с экстралингвистическими причинами, которые возникали при внешних отношениях, а использование иноязычной лексической единицы в русском тексте нередко отражает факты, лежащие за пределами исключительно лингвистических ситуаций. Такое положение, например, в отношении русского языка XIX века констатируется при употреблении иноязычной лексики в произведениях русских писателей: «В связи с установкой ряда писателей „на необычное, удивляющее, на приковывающий к себе колорит чужого“ заметно усилился приток в литературное употребление этой эпохи и так называемой восточной лексики, прежде всего — языков неславянских народов России, населявших Кавказ и Среднюю Азию, в меньшей мере — народов Сибири, Урала, Молдавии, Крыма. Освоение „восточной“ лексики связано с внешнеполитическими событиями (война России на Кавказе), с интересом писателей-романтиков к национальным культурам и литературам, к этнографии и языку...» [4, с. 38—39].

В то же время данный подход в анализе использования лексики иноязычных народов в тексте русского художественного произведения предусматривает определенную связь с литературным направлением, для первой трети XIX века — с романтическим, на что в свое время указывал Л. А. Булаховский [5]. Развивая точку зрения Л. А. Булаховского, авторы «Лексики русского литературного языка XIX — начала XX века» придерживаются взглядов этого исследователя и квалифицируют подобные заимствования как экзотизмы [4, с. 49—50]. Однако литература названного периода иллюстрирует и вхождение в русский язык украинской лексики — через русскоязычное творчество таких писателей, как Н. В. Го-

голь, В. Нарезный, Г. Квитка-Основьяненко [4, с. 38], для которых украинизмы были органической частью родного языка.

По-видимому, определение иноязычной лексики в окружении русского текста (по крайней мере художественного) как экзотической нуждается в некоторых уточнениях и поправках, ориентированных, с одной стороны, на личность автора, а с другой — на «потребителя», на читателя. Даже в XIX в. [целому ряду национальных писателей не был чужд русскоязычный опыт художественного творчества. Использование ими лексики родных языков было закономерным явлением, ибо оно во многом базировалось на национальной культуре и на национальном языке. В произведениях подобных писателей лексические единицы родного языка не могут быть квалифицированы как экзотические. Иное дело восприятие национальной лексики читателем как носителем другого (русского) языка, для которого она становилась доступной при определенной семантизации.

Применительно к современному этапу взаимодействия русского языка с национальными языками народов СССР в области лексики этот вопрос отчасти рассматривает И. Е. Гальченко, который вводит понятие «регионализма русского языка»: «Под русскими регионализмами следует понимать заимствование слова из языков народов СССР с территориально ограниченной сферой активного употребления в русском языке... регионализмы в русском языке не являются ни экзотизмами, ни варваризмами. В языке произведений русских писателей и поэтов XIX в. еще можно было считать кавказские слова экзотизмами, а в настоящее время этот термин для них устарел» [6].

Как нам представляется, понятие экзотизма прежде всего применимо в качестве ф у н к ц и о н а л ь н о й характеристики иноязычной лексической единицы, с учетом ее назначения и условий использования, с учетом языковой личности корреспондента и адресата. Но вопрос о том, насколько этот термин уместен для обозначения подобной лексики в ее отношении к словарному составу русского языка, не представляется праздным.

Действительно, помета «экзотическое» отсутствует в толковых словарях современного русского языка — ее нет ни в Словаре русского языка С. И. Ожегова (как в изданиях, осуществленных самим автором, так и в издании, подготовленном Н. Ю. Шведовой), ни во втором издании четырехтомного Словаря русского языка АН СССР (в настоящее время опубликованы три тома) (см. [7—9]). В обоих названных словарях лексика из языков народов СССР занимает прочное и заметное место, хотя ее количественный состав может колебаться в зависимости от общего объема лексикографического труда. Эти словари являются главными источниками для настоящей статьи, ибо в них фиксируется современное состояние русского словарного состава в литературно обработанной форме. Исходным положением анализа послужило то, что для изучения статуса заимствований из языков народов СССР в русском языке большое значение имеет ее презентация в русской лексической системе, претворенной в толковых словарях.

Большинство заимствований из языков народов СССР, включенных в толковые словари русского языка, квалифицируется как тюркизмы. К ним относятся «слова монгольские, иранские, арабские и другие, представляющие собой материал религиозного, правового, бытового и иного содержания, вошедшие в русский язык преимущественно из тюркских языков» [10]. Очевидно, что количественное преобладание тюркской лексики объясняется главным образом древними историческими связями русского народа с народами — носителями данных языков. Следует отметить, что многие тюркизмы в современных толковых словарях приводятся без каких-либо помет, указывающих на их региональный характер (например, *пиала, урюк, шашилык* и др.). Но вместе с тем значительная часть заимствований из языков народов СССР, в том числе и из тюркских языков, объясняется посредством толкований, которые не только определяют значение лексической единицы, но и содержат локальные признаки. Именно эта часть заимствований служит объектом анализа в настоящей статье.

Классификация заимствований по указанным лексикографическим источникам, основу которой составляет тематический принцип, мало чем отличается от классификаций иноязычной лексики, извлеченной из художественных текстов. Здесь устанавливаются группировки, ставшие уже традиционными и по существу опирающиеся на внеязыковую реальность: 1) обозначения лиц по тому или другому признаку (чаще всего социальному); 2) обозначения селений и административно-территориальных единиц; 3) обозначения предметов быта и построек; 4) обозначения пищи и напитков; 5) обозначения реалий растительного и животного мира; 6) обозначения религиозно-культовых и обрядовых понятий; 7) обозначения предметов и понятий традиционной национальной культуры. Разумеется, такая классификация дает лишь общее представление о той внеязыковой реальности, которая отразилась и выразилась в заимствованиях, и дело здесь не только в том, что почти каждая группа может быть представлена в виде более дробных и мелких объединений (например, обозначения предметов быта и построек допустимо группировать по признаку их назначения), — но и в том, что в наиболее многочисленной группе обозначений лиц соединяются номинации по разнородным признакам: по социальному (*бай, баскак, гетман, дехканин* и др.), религиозно-обрядовому (*муфтий, муэдзин, мулла*), традиционно-культурному (*акын, ашуг, кобзарь, бандурист* и др.).

При анализе заимствований из языков народов СССР в их лексикографической интерпретации встает вопрос о том, какой признак (признаки) выделяет данное слово из общего круга русской лексики и как этот признак (признаки) выражается в содержании словарной статьи. Рассмотрим данный вопрос на примере первой тематической группы, в первую очередь, обозначений лиц по социальному положению. Данные номинации обычно характеризуются двумя признаками — региональным и временным. В разных словарях эти признаки занимают разную позицию: ср.: *бай* — «Богач, крупный землевладелец или скотовод в дореволюционной Средней Азии» (Словарь русского языка АН СССР, I 55; далее — СА); «В Средней Азии до революции: богатый землевладелец или скотовод» (Словарь русского языка С. И. Ожегова, 34; далее — СО) ¹. Иногда региональный признак осознается как конкретизация общего значения слова, которое связано с определенными историческими событиями, например: *басмач* — «Участник контрреволюционной банды в Средней Азии в период борьбы за укрепление советской власти» (СО 37); «Участник контрреволюционных националистических банд, действовавших в Средней Азии» (СА I 64).

Характеристика слова по его этнической или языковой принадлежности может выражаться посредством соответствующего определения или топонима. В качестве примера сопоставим толкования первого значения слова *гайдамак*: «В XVII—XVIII вв.: украинский казак, участник восстания против польских помещиков» ² (СО 113); «Участник народно-освободительного движения против польских помещиков в 18 в. на Правобережн ой У кра и н е» (СА I 297). Очевидно, что детализация понятийно-семантического объема слова данного тематического разряда даже в пределах одного значения несет прежде всего историко-социальную информацию.

Другой разряд рассматриваемой тематической группы представлен обозначениями лиц по конфессиональному признаку (*имам, дервиш, муфтий*, и др.). В толкованиях этих лексических единиц (тюркизмов), как правило, содержится указание на вероисповедание, ср.: *имам* — «Духовный глава у ма г о м е т а н» (СО 219); «1. Духовный глава у м у с у л ь м а н. 2. Титул правителя у с у л ь м а н с к о г о государства, соединяющего в своем лице светскую и духовную власть, а также лицо, носящее этот титул: халиф. 3. Духовное лицо, руководящее богослужением в мечети» (СА I 660). Различие в словарных статьях заключается и в коли-

¹ После сокращенного названия словаря СА — первая цифра обозначает том, вторая — страницу; в СО цифра обозначает страницу.

² Здесь и далее при толковании значения слова разрядка наша. — М. Н.

честве устанавливаемых значений, и в определениях: «у магометан» — «у мусульман», что заставляет предположить их некоторую дифференциацию. Однако по существу толкование данной лексики по СО и толкование ее 1-го значения по СА являются тождественными, ибо понятие «магометанство» не что иное, как «вышедшее из употребления название ислама (мусульманства)» [11]. Указанный признак вероисповедания последовательно применяется при словах, входящих в группу обозначения лиц: *мулла* — «Служитель культа у мусульман» (СО 322); «Служитель религиозного культа у мусульман» (СА II 314); *муфтий* — «Лицо высшего мусульманского духовенства» (СО 323), «Мусульманский юрист-богослов, высшее духовное лицо, облеченное правом выносить решения по религиозно-юридическим вопросам» (СА II 314), *дервиш* — «Мусульманский нищенствующий монах» (СО 143, то же СА I 388).

В некоторых случаях непосредственное определение конфессионального признака опускается за счет компенсации его другими лексическими средствами, ср.: *муэдзин* — «Служитель при мечети, возглашающий с минарета часы молитвы» (СО 324, то же СА II 316). (Интересно отметить, что в Словаре В. Даля толкование данного слова базируется на ассоциации со служителем православного культа, но при использовании определения «мусульманский»: *муэдзин* — «...мусульманский дьячок, призывающий с минарета на молитву, обычно слепой» [12, с. 363].) Признак вероисповедания находит отражение не только при словах, обозначающих служителей культа, но и тогда, когда он определяет и «оценивает» семантическое содержание лексической единицы, например: *гаур* — «У магометан: человек иной веры» (СО 133); «Презр. Название иноверца у исповедующих ислам» (СА I 359). В последнем случае вариатность толкований отмечается на уровне сочетаний «у магометан» — «у исповедующих ислам».

Признак вероисповедания иногда может заменяться признаком более общим, производным от слова «восток». Это отмечается, в частности, при толковании слов, обозначающих понятия (персонажи) традиционной культуры, ср.: *гурия* — «В восточной мифологии: райская дева» (СО 133); но: «В мусульманской мифологии: вечно юная красавица, обительница рая, услаждающая попавших туда праведников. // *Трад.-поэт.* Красавица» (СА I 357). В то же время слова, выражающие положительные понятия применительно к обозначению лица, безусловно указывают к признаку вероисповедания. Их региональность определяется указанием на этно-территориальную характеристику, а само толкование ориентировано на национальные традиции: *кунак* — «У кавказских горцев: друг, приятель» (СО 276); «У кавказских горцев: лицо, связанное с кем-л. обязательством взаимной дружбы, защиты, гостеприимства; друг, приятель» (СА II 149) (ср. с толкованием в Словаре В. Даля: «...приятель, знакомый, с кем вожу хлеб-соль» [12, с. 218]). Следует отметить, что в толкованиях некоторых слов со значением лица аналогичная этно-территориальная характеристика может нивелироваться и присутствовать как комментарий к источнику заимствования, например: *джелигит* — «Искусный наездник [первонач. у кавказских горцев]» (СО 146); «Искусный и отважный наездник (первоначально у кавказских горцев)» (СА I 396).

Национальная культурная традиция народов СССР находит отражение при толкованиях номинаций лиц, обозначающих представителей поэтического и музыкального искусства. Это достигается использованием определения «народный» при слове обобщающего значения с одновременным указанием этнического или регионального (или этно-регионального) признака, который может варьироваться; ср.: *ашуг* — «Народный поэт-певец у народов Кавказа» (СО 33); «Народный поэт-певец у кавказских народов» (СА I 53); *акын* — «Народный поэт-певец (в Казахстане, Киргизии)» (СО 24); «Народный поэт-импровизатор и певец у казахов, киргизов» (СА I 31). Здесь дефиниции учитывают характерность обозначаемого для нескольких родственных национальных культур, что связано, с одной стороны, с территориальной близостью народов (Казахстан, Кир-

гизия — казахи, киргизы), а с другой — с многонациональностью определенного региона (народы Кавказа — кавказские народы). Наряду с толкованиями данного типа отмечаются дефиниции, в которых признак конкретной национальности оформляется в функции грамматического определения: *кобзарь* — «У к р а и н с к и й народный певец, играющий на кобзе» (СО 248); «У к р а и н с к и й народный певец, сопровождающий свое пение игрой на кобзе» (СА II 64).

Обозначения лиц «по профессии», в частности, в области музыкального искусства часто являются производными от слов, называющих конкретную реалию, предмет, характерный для данной сферы. В толковании этих слов по русским словарям отмечается одна любопытная деталь — указание (в самом общем виде) на хронологический признак, который подчеркивает отнесенность реалии к традиционному национальному искусству и который отсутствует при толковании номинации лица: ср.: *кобза* — «С т а р и н н ы й украинский щипковый музыкальный инструмент» (СО 248, то же СА II 64). Дифференциация в толкованиях, относящихся к номинациям музыкантов и к номинациям инструментов, состоит в том, что в первом случае определение национального признака может вообще отсутствовать, тогда как во втором случае оно сохраняется. Например: *бандурист* — «Музыкант, играющий на бандуре» (СО 35, то же СА II 60); *бандура* — «1. У к р а и н с к и й народный многострунный щипковый музыкальный инструмент» (СО 35); «Украинский многострунный щипковый музыкальный инструмент с широким грифом» (СА I 60). (Заметим, что в Словаре В. Даля толкование слова *кобзарь* осуществляется посредством «бандурист», а *кобза* объясняется через «бандура» [12, с. 127]).

Сопоставление производных и непроизводных слов показывает, что нередко основную этно-региональную информацию в словарях русского языка дают толкования непроизводных лексических единиц.

Анализ толкований, проведенный, главным образом, на примере тематической группы обозначений лиц, может быть распространен и на другие лексические объединения. Однако в аспекте маркированности лексики из языков народов СССР в русских словарях важно наметить основные признаки, указывающие на ее специфику. Как нам представляется, рассмотренная тематическая группа позволяет установить некоторый набор определений, функциональных указателей, сопутствующих заимствованиям, которые могут входить в самые различные тематические группы.

В функции наиболее обобщенного определения выступает прилагательное *восточный*, которое используется в СО при слове *гурия* («в восточной мифологии»). Это же определение отмечается в тематической группе обозначений пищи и в группе обозначений денежных единиц. Например: *плов* — «В о с т о ч н о е кушанье из вареного риса с жиром, кусочками мяса и с пряностями» (СО 463); *абаз* — «В о с т о ч н а я серебряная монета (в старину распространенная на Кавказе)» (СА I 18). Но, как говорилось выше, дефиниция слова *гурия* содержит вариантное определение «мусульманская» («в мусульманской мифологии»). Это определение, как правило, сопутствующее дефинициям обозначений служителей религиозного культа (см. выше), входит и в дефиниции обозначений различного рода профессиональных учреждений, ср.: *медресе* — «М у с у л ь м а н с к а я высшая и средняя школа...» (СА II 244). Тожественный признак выражается и другим способом — предложным сочетанием: *мечеть* — «Молитвенный дом у м у с у л ь м а н» (СО 310, то же СА II 263). Указанный признак, опирающийся на понятие вероисповедания, находит разное отражение в содержании словарной статьи. Это отчетливо прослеживается при толкованиях слов, обозначающих предметы одежды, которые диктуются требованиями ислама. Например: *паранджа* — «Широкий халат с закрывающей лицо волосистой сеткой, без к-рой м у с у л ь м а н с к а я р е л и г и я не разрешает женщинам появляться перед посторонними» (СО 434); *чалма* — «У м у с у л ь м а н: головной убор — длинный кусок ткани, обернутый вокруг головы» (СО 779); *чадра* — «У м у с у л ь м а н: женское легкое покрывало во весь рост, закрывающее голову и лицо (кроме глаз) и спускающееся по плечам вниз» (СО 779).

Наименования одежды, не обусловленной культовыми представлениями, обычно сопровождаются дефинициями, в которых содержатся этнонимы, например: *жупан* — «У украинцев и поляков: старинный полукафтан» (СО 174); «Старинная верхняя мужская одежда у украинцев и поляков, род полукафтана» (СА I 489). Иногда наряду с этнонимами используются сочетания, указывающие на этнический и географический признаки, ср.: *бешмет* — «Стеганый полукафтан (у татар, кавказских народов)» (СО 46); «Одежда тюркских, монгольских и кавказских народов, плотно прилегающая в груди и в талии и доходящая до колен» (СА I 89). В качестве вариантов этнических наименований выступают названия регионов в сочетании с территориально-географическими показателями: *нимы* — «В Сибири и у северных народов: меховые сапоги, а также валенки» (СО 457). Подобные показатели фиксируются также при словах, входящих в тематическую группу обозначений жилищ: *яранга* — «Переносное жилище с конической крышей у некоторых народов в северо-восточной Сибири» (СО 814). Они свойственны толкованиям слов, обозначающих селение: *улус* — «1. Становище кочевников, а также название (напр., у некоторых народов Сибири) селения, аула» (СО 739).

Однако подобные обобщенные наименования народов по регионально-географическому признаку характерны, главным образом, для слов, обозначающих понятия северного и кавказского регионов, где население разнообразно по своему этническому составу. Наиболее же узкое определение национального признака осуществляется обычно посредством прилагательного — производного от этнонима, например: *галушки* — «Украинское кушанье — кусочки сваренного теста» (СО 113); «Украинское кушанье в виде кусочков теста, сваренных в супе или молоке» (СА I 299) (ср. с толкованием слова *гайдамак*, см. выше).

Самыми частотными являются такие показатели, которые ориентированы на регион (или регионы) как территориально-географическое понятие без использования этнонима. Эти показатели используются при толкованиях тематически разнообразной лексики, но чаще всего связанной с бытом: постройками (*халуца* — «1. Небольшая хата, изба на Украине, в Белоруссии», СО 764), орудиями труда (*жетмень* — «В Средней Азии: род мотыги для окучивания посевов, для рытья арыков и т. п.», СО 243; «Орудие типа мотыги, употребляемое в Средней Азии для мотыжения, окучивания посевов, а также для рытья и очистки арыков и каналов», СА II 46); одежды [*чувяки* — «Мягкая обувь без каблуков (на Кавказе, в Крыму)», СО 789] и т. д.

Толкования одной и той же лексической единицы в разных словарях могут отличаться по степени точности региональных показателей, которые в одном словаре опираются на общий географический признак, а в другом — на локальную конкретизацию. Ср.: *мажара* — «На юге СССР: большая телега с решетчатыми боковыми стенками» (СО 296); «Большая телега с решетчатыми боковыми стенками (в Крыму, на Украине, на Северном Кавказе)» (СА II 215); *кишлак* — «Селение (в Средней Азии)» (СО 245); «Селение в Узбекистане и Таджикистане» (СА II 53); *мыза* — «Усадьба, хутор (в Прибалтике)» (СО 324); «Отдельно стоящая усадьба с сельскохозяйственными постройками; хутор в Эстонии и других районах Прибалтики» (СА II 316).

Обращают на себя внимание некоторые дефиниции слов, обозначающих жилье, в которых лексические единицы определяются как «русское название», ср.: *чум* — «В Сибири и на северо-востоке европейской части СССР: русское название переносного жилища северных народов — конической формы шатра, крытого шкурами, корой, войлоком и т. п.» (СО 790); *сакля* — «Русское название жилища кавказских горцев» (СО 617). Это определение применяется не последовательно в лексикографической практике. Так, в толковании слова *сакля* его нет ни во 2-м издании СО (1952 г.), ни в региональном словаре И. Е. Гальченко, где оно с пометой «груз.» толкуется как «Название жилища кавказских горцев» [13, с. 121]. Однако в тематическом словаре Г. Г. Голетиани ука-

занное определение входит в состав дефиниции: *сакля* — «...принятое у русских название жилища кавказского горца. От грузинского слова *с а х л и* (дом)» [14].

Рассмотренные примеры свидетельствуют о том, что в толковых словарях, отражающих современное состояние русского языка, этнические, региональные и географические определения — при их возможной вариативности по отношению друг к другу — выступают как постоянные спутники слов, заимствованных из языков народов СССР. Можно ли из этого факта заключить, что подобные показатели одновременно являются и показателями недостаточной освоенности слова в заимствующем (русском) языке?

Когда этот вопрос ставится в отношении лексических заимствований, то в пользу степени освоенности обычно приводятся деривационные данные, которые также фиксируются в толковых словарях русского языка. Производные лексические единицы обнаруживаются в самых различных тематических группах: обозначений лиц [*к у н а к* — *кунацкая* (прил. и в знач. суф.), *куначество*, *г е т м а н* — *гетманский*, *гетманство*, *д ж и г и т* — *джигитский*, *джигитовка*, *джигитовать*]; обозначений предметов быта (*ч у в я к и* — *чувячный*), селений (*у л у с* — *улусовый*, *а у л* — *аульный*, *к и ш л а к* — *кишлачный*). Иногда одно и то же производящее дает два варианта производного, например: *к и з я к* — *кизяковый* и *кизячный*, *з у р н а* — *зурнач* и *зурнист*. Производные от давно освоенного заимствования не всегда фиксируются в современных толковых словарях. Так, например, в СО и СА не приводятся производные от слова *арба*, которое прочно вошло в русский язык; между тем в Словаре В. Дала содержится целый ряд однокоренных единиц, созданных по русским словообразовательным моделям: *арбяной*, *арбовый*, *арбишный*, *арбовицик*, *арбишниж* [15]. Обозначение лица от данной основы приведено в региональном словаре И. Е. Гальченко, но в оформлении словообразовательной модели национальных языков, ср.: «арбачи и арбачы (кумык., татек.) Возчик» [13, с. 25].

В аспекте деривационных связей хотелось бы отметить одну любопытную деталь: как правило, производные единицы создаются суффиксальным способом, а не префиксальным. В отношении же локально-тематической маркированности устанавливается один бесспорный факт: наименьшая словообразовательная активность обнаруживается у тех слов (в своем подавляющем большинстве тюркизмов), которые так или иначе связаны с конфессиональным признаком, — это относится и к номинациям лиц, и к номинациям построек культового назначения, и к номинациям одежды. В плане семантических преобразований свидетельством освоенности заимствования является лексикографическая констатация вторичных значений, иногда стилистически маркированных, например: *халуна* — «2. *перен.* Вообще о маленьком, неблагоустроенном жилище» (СО 764); *бандура* — «2. *перен.* О громоздком предмете (прост.)» (СО 35).

Как показывает привлеченный материал, локальные определения, входящие в толкования заимствований, обычно являются своего рода «ограничителями» при словах более общего значения, с которыми заимствования вступают в родо-видовые отношения, ср.: *бай* — богач, *абаз* — монета, *бандура* — музыкальный инструмент, *аул*, *кишлак* — селение и т. д. Эти родовые обозначения — опорные понятийные центры дефиниции, но отнюдь не эквиваленты заимствований. Даже такое русское соответствие, которое сближается с заимствованием по формальному показателю (корню), не дает исчерпывающего представления о том, какая реальность стоит за его семантическим «родственником». Так, например, слово *чайхана* голкуется как «Чайная в Средней Азии» (СО 779). По поводу этого слова З. С. Шеломенцева замечает: «Значение слова „чайхана“ не укладывается в русское „чайная“. В чайхане не только пьют чай, но и читают газеты, играют в шахматы и шашки, слушают лекции, это своеобразный клуб» [4, с. 40].

Возможно ли раскрывать в словаре все особенности явления или предмета, называемого лексической единицей? Несомненно. Но тогда словарь

из толкового становится энциклопедическим. Если же ориентироваться на специфику именно толковых словарей, то необходимо признать и некоторую «приближенность» дефиниций по отношению к реалиям. В сущности, локальные показатели относятся именно к реалиям, что становится особенно очевидным при толкованиях такого типа: *айрал* — «Кислое молоко особой закваски (распространено в Сибири, Средней Азии, Крыму и на Кавказе)» (СА I 28); *каракурт* — «Ядовитый паук, распространенный в пустынях Средней Азии и в степях Крыма» (СА II 32). А отсюда следует, что этнический, региональный, географический признаки, используемые в дефинициях заимствований из языков народов СССР, являются элементами скорее энциклопедического характера, нежели собственно семантического³. Иначе говоря, эти признаки не выделяют данные слова из лексической системы русского языка.

Проблема исследования заимствований из языков народов СССР — одна из самых интересных проблем русистики и сравнительной лексикологии. Она становится особенно злободневной вследствие интенсивного использования национальной лексики в русскоязычных и переводных текстах, относящихся к сфере публицистики и к сфере художественной литературы, т. е. в таких текстах, которые прежде всего служат источниками для толковых словарей русского литературного языка. Пополнение состава этой лексики отчасти учитывается лексикографическими выпусками («Новые слова и значения. Словарь-справочник»), в которых уже сейчас зафиксирован целый ряд единиц (в том числе производных) главным образом из тюркских языков. В то же время публицистика, поэзия и беллетристика дают обильный материал для установления и изучения лексики из языков народов Севера, в частности, из чукотского языка, контакты которого с русским языком, как отмечалось выше, в дореволюционный период сводились к минимуму.

Нарушая традиции научной статьи, автор позволит себе завершить ее формулировкой нескольких вопросов анкетного характера, которые, на наш взгляд, непосредственно вытекают из данной проблемы:

— какие пути, лежащие через устное общение, через поэзию и прозу, привели слова одного языка в другой язык?

— какие «превращения» происходили с ними в их фонетическом облике, в их семантике и грамматических характеристиках?

— как отражалось освоение заимствований в толковых словарях русского языка, начиная с их первой лексикографической фиксации?

— в каком соотношении находятся заимствования в толковых словарях русского литературного языка и в лексикографических трудах, ориентированных на определенные регионы?

— в какие смысловые связи вступали заимствования с семантически близкими словами заимствующего языка?

— какие содержательные и выразительные потенциальные возможности открываются в них и через них в современной художественной литературе?

Рассмотрение этих вопросов обращено к трем взаимосвязанным направлениям изучения языка: 1) к аспекту функциональному, 2) аспекту лексической системы, 3) аспекту лексикографической практики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шеломенцева З. С. Взаимодействие русского и тюркских языков. Краснодар, 1980.
2. Федоров А. И. Русский язык в Сибири. — ВЯ, 1982, № 2, с. 81.
3. Самсонов Н. Г. Заимствования из языков аборигенов Якутии в русском языке (Дореволюционный период). — ВЯ, 1981, № 4, с. с. 76, 77.
4. Лексика русского литературного языка XIX — начала XX века. М., 1981, с. 38—39.;

³ Как показала Л. Л. Кутина, антитеза энциклопедических и филологических толкований не является безусловной и «имеет право на существование только при формулировке целого ряда ограничений» [16].

5. Булаховский Л. А. Курс русского литературного языка. Т. I. Киев, 1952, с. 44.
6. Гальченко И. Е. О статусе слов северокавказского происхождения в русском языке.— ВЯ, 1979, № 4, с. 117.
7. Ожегов С. И. Словарь русского языка, М., 1952.
8. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1981.
9. Словарь русского языка. Под ред. Евгеньевой А. П. Т. I. М., 1981; Т. II. М., 1982.
10. Кенесбаев С. К. Предисловие.— В кн.: Шипова Е. Н. Словарь тюркизмов в русском языке. Алма-Ата, 1976, с. 5.
11. Краткий научно-атеистический словарь. М., 1964, с. 333.
12. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. II. М., 1955.
13. Гальченко И. Е. Глоссарий лексики языков народов Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1975.
14. Гоletiани Г. Г. Грузинская лексика в русском языке. Краткий тематический словарь. Тбилиси, 1972, с. 146—147.
15. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I. М., 1955.
16. Кутина Л. Л. Термин в филологических словарях (к антитезе: энциклопедическое — филологическое).— В кн.: Проблематика определений терминов в словарях разных типов. Л., 1976, с. 30.